

1885 год,

Российская империя, Москва

«Вчера, 19 марта, российская армия подь руководствомъ начальника Закаспійской области генерала Комарова нанесла на рѣкѣ Кушкѣ сокрушительный ударъ по афганскимъ войскамъ, отгѣснивъ ихъ за мостъ Пуль-и-Кхишти. Уронъ афганцѣвъ составилъ около 600 человекъ, потери русскихъ 40 человекъ убитыми и ранеными».

«Московскія вѣдомости», март 1885 года

Глава первая

Когда горничная постучала ко мне в то утро, я уже полчаса как была на ногах. Успела проскользнуть в купальню за водой, умылась, причесалась и наполовину затянула на себе корсет — но потом мой взгляд упал на заметку в свежих «Ведомостях», что я прихватила по пути из купальни, и с тех пор я так и стояла, нервно постукивая свернутой газетой по спинке кресла. Заметка не то чтобы взбудоражила меня — нет, чего-то подобного ожидала уже давно, но все же надеялась, что это случится не так скоро.

— Георгий Палыч на службу давно уехали? — спросила я, пока Аннушка, горничная, помогала мне подколоть волосы.

— Они дома сегодня — хворать с утра изволят, — Аннушка бросила взгляд в зеркало и, наверное, отметив, как утомленно закатила я глаза при этих словах, улыбнулась с пониманием: — Они отзавтракали уже, не волнуйтесь.

— А дети?

— Все пятеро на месте — в полном составе.

Когда речь заходила о детях, Аннушка, как, впрочем, и большинство слуг, всегда радовалась, что проводит с ними далеко не все свое время — в отличие от меня.

Комментировать Аннушкины улыбки я не стала, хотя обычно одергивала прислугу в таких случаях, а молча поднялась и направилась в столовую. Уже перед самыми дверями ее я остановилась, плотно закрыла глаза и мысленно попросила: «Господи, дай мне сил пережить еще один день и не сорваться».

Потом натянула на лицо любезную улыбку и распахнула двери.

О да, дети наличествовали в полном составе: трехлетнюю Лёлечку няня пыталась накормить пюре, младшие отпрыски — Конни и Никки, близнецы восьми лет, — носились вокруг стола, еще до завтрака успев перепачкаться вареньем. У старших хватило совести при моем появлении подняться, а Мари, девица шестнадцати лет и моя воспитанница, даже изобразила реверанс и поздоровалась:

— Bonjour¹, мадемуазель Тальянова.

На ее хитрющей мордашке было при этом такое выражение, будто она задумала какую-то очередную пакость в отношении меня. Хотя у нее всегда было такое выражение, даже когда пакости не следовало. Видимо, делала она это для того, чтобы я не расслаблялась и всегда была начеку.

— Bonjour, мадемуазель Полесова, — в тон ей ответила я, одновременно хватая близнецов за руки и рассаживая за стол по обе стороны от себя. После чего продолжила разговор с воспитанницей: — Напомните мне, Мари, я уже говорила, что утром не следует надевать столь декольтированное платье и жемчуг?

¹ Добрый день (*фр.*).

— Нет, мадемуазель Тальянова, вы ни разу мне этого не говорили, иначе бы я обязательно запомнила.

Девушка глядела на меня честными и самыми невинными глазами, хотя подобный диалог случался раз пять или шесть в неделю в различных вариациях.

— Тогда я вас настоятельно прошу, мадемуазель Полесова, одеваться чуть более скромно. Хотя бы к завтраку, — невозмутимо и с той же улыбкой ответила я, присаживаясь, наконец, за стол.

— О, конечно, мадемуазель Тальянова, я сделаю все от меня зависящее, чтобы стать настоящей леди, как вы, — отозвалась маленькая паразитка.

— Я на это надеюсь..

Пришлось замолчать на полуслове, потому что в этот момент четвертый отпрыск Полесовых — Митрофанушка — с помощью рогатки выстрелил в своего брата ватрушкой с крем-брюле. Ватрушка попала тому точно в лоб, от чего Никки немедленно завыл — не от боли, а потому что это предполагал сценарий. Крем же брюле смачной россыпью брызг усеяло рукав моего платья, щеку и волосы.

О, Митрофанушка.. мой личный ад и мое наказание за прошлые грехи. Вообще-то, этого отпрыска Полесовых звали Сережей, в честь бабушки — отца хозяйки дома и военного офицера, который был в этой семье буквально легендой, — но я, глядя на этого отрока, который до моего появления в доме едва умел читать и писать, несмотря на свои полные двенадцать лет, каждый раз вспоминала бесмертное творение Фонвизина.

«Раз, два, три..» — мысленно отсчитала я. Потом улыбнулась и протянула к Митрофанушке руку ладонью вверх:

— Месье Полесов, будьте добры, отдайте мне ваше приспособление.

Тот жалко оглянулся на сестру, но не дождался от нее поддержки на этот раз: насупился и отдал рогатку мне.

— А теперь встаньте и покиньте помещение столовой — вы наказаны.

Брови его поползли вверх, и мальчишка снова оглянулся на сестру, требуя защиты. Младшие Полесовы обычно друг за друга стояли горой, что при других обстоятельствах непременно вызвало бы у меня скупую слезу.

— Репрессии — это плохой метод воспитания детей, — заметила вполголоса шестнадцатилетняя паразитка. — В Японии, например, детям вообще позволено все, что им в голову взбредет.

— Увы, мы не в Японии, *ma chère*¹, а в суровых реалиях России. Посему, *месье Полесов*, встаньте из-за стола и идите к себе — вы меня слышали.

— Но я еще не доел.. — собрался расплакаться Митрофанушка, однако, поймав мой взгляд, живо передумал это делать. Видимо, вспомнил, как в прошлый раз я за подобные сопли заставила его зубрить не пять страниц немецкой грамматики, как обычно, а десять.

Так что он встал и, исподлобья глядя на меня, вышел за дверь.

— Это неоправданная жестокость, — когда захлопнулась дверь, продолжила Мари. — Взрослые должны уметь управляться с детьми более лояльными методами. Я вынуждена буду рассказать о вашем решении маман.

— Благодарю вас, *ma chère*, вы избавите меня от необходимости идти в комнаты Елены Сергеевны.

Все время, пока между нами происходил этот животрепещущий разговор, маленький Никки выл, будто его режут, а няня, оставив Лёлочку, которая тоже начала уже всхлипывать, пыталась платком утереть его лицо от крема, чем раздражала ребенка еще больше.

¹ Моя дорогая (*фр.*).

— Катюша! — наконец не вытерпела я. — Ну что вы делаете?! Отведите ребенка в ванную и одежду сразу отдайте Аннушке — пятна ведь останутся.

Увы, то же самое касалось и моего платья: крем-брюле, к счастью, это не так трагично, как вишневое варенье, но если не почистить сразу, то платью будет безнадежно испорчено. Да-да, после трех месяцев работы в этом доме я могла бы написать небольшую брошюру об исследовании и способах выведения пятен. Чтобы спасти платье, я встала и, еще раз окинув оставшихся детей строгим взглядом, вышла из столовой.

Почему у этих детей такое отвратительное воспитание? Потому что я дрянная гувернантка. Оправданий я для себя не искала, прекрасно отдавая отчет, что нахожусь в этом доме лишь потому, что так сложились обстоятельства. При первой же возможности я намеревалась покинуть эту семью. Иногда я вообще не понимала, что я, одна из лучших выпускниц Смольного и племянница графа Шувалова, здесь делаю. Будто дурной сон, который все никак не кончится...

А покинув столовую, я вдруг вспомнила, что дети — это далеко не самое ужасное, с чем я здесь столкнулась: некто подступил ко мне сзади и, обхватив за талию, притянул к себе.

— Лидочка, зайчонок мой, зачем вы носите эти отвратительные корсеты? Все доктора давно уже признали, что это вредно, — шептали мне на ухо, царапая усами щеку.

Месье Полесов-старший собственной персоной — трудно было бы его не узнать. Это первые недели две меня, наивную смолянку, подобное обхождение приводило в шок, а потом я как-то попривыкла. Это стало таким своеобразным ритуалом и нашей маленькой тайной от всего семейства и его жены в частности.

Сейчас, например, я больше изображала голосом возмущение, чем была возмущена на самом деле:

— Георгий Палыч! — вспыхнула я, не без труда размыкая кольцо его рук. И потом только продолжила более мягко: — Кто-нибудь ведь войти может.

Георгий Павлович Полесов, или просто Жоржик, как звали его друзья и родственники, был весьма импозантным мужчиной в самом расцвете лет. Хитрющее выражение лица Мари явно унаследовала от папеньки, лицо это было не лишено привлекательности, что позволяло Жоржику считать себя первым донжуаном нашей улицы. А особенной его гордостью были усы, которые он старательно подвивал, напомаживал и вообще носился с ними так, как не всякая барышня носится со своими локонами.

— Кто это вас так из моих сорванцов? — Жоржик, блаженно улыбаясь, кивнул на измазанную мою щеку.

— Ваш любимец, как всегда. Я его наказала, а Мария Георгиевна обещала пожаловаться Елене Сергеевне.

— И правильно сделали, что наказали, зайчонок мой. А об Еленочке можете не волноваться... — Полесов, кажется, принял мой тон за кокетство и, интимно понижая голос, снова попытался обнять.

— Георгий Палыч, мне нужно умыться, — вывернулась я, благо дверь находилась прямо за моей спиной.

Право, после наших разговоров мне хотелось не только умыться, но и долго тереть свое тело мочалкой. Меня все еще передергивало, стоило вспомнить, как однажды ночью, едва я поступила в этот дом, я была разбужена оттого, что с меня стаскивают одеяло самым беспардонным образом. Уж не знаю, где он раздобыл ключ от моей спальни — я всегда запиралась на ночь. Разбудив же меня, Георгий Павлович обрадовался и принялся раздеваться сам. Просьб моих он не слышал, каждое возмущение понимал

как-то очень по-своему, а требование выйти вон опять принял за кокетство и резво запрыгнул ко мне в кровать.

И думать не хочу, на что он рассчитывал, но все кончилось тем, что я схватила с прикроватной тумбочки стакан с водой и разбила его о голову своего работодателя. Как ни странно, помогло. То ли Георгий Павлович впечатлился осколком стекла, который я сжимала весьма решительно, то ли просто осознал вдруг, что не так уж он обворожителен, как надеялся. Так или иначе, Полесов сполз с кровати, подобрал свои ботинки и кальсоны и, бормоча что-то, держась за ушибленную голову, спиной выбрался за дверь.

Уже утром Жоржик вызвал меня к себе — голова его была перебинтована — и несколько обиженно сказал:

— Нехорошо вы поступили, право. Какая ж вы благовоспитанная барышня, ежели деретесь? Вы же понимаете, Лидия Гавриловна, что после... произошедшего я вас более держать в своем доме не могу.

Я подобного разговора ожидала, потому приготовилась.

— Можете, Георгий Павлович, можете, — наставительно ответила я. — Жаль, что вы усомнились в моем воспитании, но если я потеряю это место, то Елена Сергеевна в тот же день получит по почте ваши записки, которые вы имели неосторожность писать мне. Не хочется ее расстраивать.

Елена Сергеевна, супруга Полесова, — тихая, добрая и покорная женщина, родившая ему пятерых детей. Пятой была Лёлочка, которая, слава богу, в мое распоряжение пока не поступила. Так вот, по непонятной мне причине Полесов как огня боялся, что Елена Сергеевна о его похождениях узнает.

Вот и сейчас, услышав, что я сохранила его записки и собираюсь пустить их в ход, он немедленно побледнел и замотал головой, тут же изменив решение о моем увольнении.

В результате я получила прибавку к жалованью, а на ночь принялась подпирать дверь стулом, который обязательно опрокинется, если дверь откроют снаружи. Но особенных посягательств на мою честь с тех пор больше не было, а маленькие вольности я ему прощала, предпочитая с Полесовым не ссориться.

Возвращалась в столовую я очень осторожно — глядя себе под ноги, внимательно осмотрев стул и даже подняв взгляд на потолок. Дети с самым невинным выражением лиц доедали завтрак.

Значит, просто соль в кофе либо сахар в яичнице. Я сделала маленький глоток из чашки и удовлетворенно улыбнулась — соль.

Глава вторая

Как было сказано, я жила у Полесовых в гувернантках уже три месяца. До меня детьми занималась совсем юная истеричная бывшая гимназистка (у меня имелись подозрения, что истеричною она сделалась как раз в процессе работы). А перед нею — какая-то пожилая сердобольная англичанка, потакающая детям во всем и, как следствие, невероятно их разбаловавшая.

Впрочем, баловали этих детей все. Не помню дня, чтобы хозяйка дома, Елена Сергеевна, не упрашивала меня слезно «отпустить деточек сегодня пораньше», а раз в неделю так и вовсе заявляла, что дети «света белого не видят, круглые сутки за учебниками», потому она с чистой совестью забирала их на весь день и уводила гулять. Это при том, что субботу и воскресенье дети и так не учились.

И все же кое-чем я гордиться могла: Митрофанушка хоть и писал по-русски с позорными орфографическими ошибками, зато худо-бедно, но строил уже фразы на не-

мецком — ведь поводов наказывать себя зубрежкой языка он давал достаточно.

С близнецами, к счастью, проблем было меньше всего. Да, они и трех минут не могли высидеть спокойно, постоянно отвлекались, спорили, норовили подраться, но зато и заинтересовать их уроком было куда проще, чем старших детей. Правда мне приходилось напрягать все свои таланты и устраивать театр одного актера, когда, например, я рассказывала о рыцарях-крестоносцах. Но, право, это стоило того, чтобы близнецы слушали меня с горящими глазами. Вот с точными науками сложнее: хоть на одной ноге прыгай, арифметика от этого интересней не станет. Первые месяца полтора я билась, что рыба о лед, не зная, как внушить мальчишкам всю важность арифметики. Пока не догадалась вдруг на одном из уроков истории заметить как бы невзначай, что любимые их полководцы, Суворов и Кутузов, добились своих побед благодаря знаниям в математике и стратегии. А спустя пару дней я услышала, как Конни, заводила среди братьев, вполголоса наставлял Никки:

— Я знаю, что скукотища! Но пойми ты, что без счетов в армию не возьмут!

— А может, она врет все, может, и возьмут... — слабо возразил Никки.

«Она» — это я, их любимая учительница.

— Да не, не врет. Мари тоже так сказала.

Ну да, Мари — непререкаемый авторитет, разумеется.

— Значит, надо... — тяжело вздохнул Никки и зашуршал, открывая задачник. И тут же захныкал: — Да ничего я не понимаю! Цифры все да закорючки... а это что за знак?

Конни тоже вздохнул:

— И я не понимаю. Нужно завтра пойти к ней и сызнова спросить.

— Мари увидит! — ужаснулся Никки.

— Ну... можно до уроков. Тихонько, чтоб не слышал никто.

Мари... с нею было тяжелей всего. За три месяца я так и не сумела подобрать ключик к этой девице. Хотя и не очень старалась, если быть откровенной: мне всего-то нужно было, чтобы дети прилежно выполняли задания и не слишком докучали мне. Вообще-то Мари была девицей очень неглупой, сообразительной и эрудированной в самых неожиданных областях. Обожала шокировать домочадцев цитатами из Ницше и Карла Маркса и раз за разом пыталась доказать всем, что православие — ложная религия, а истинное видение мира людям открывается только после прочтения буддистских сутр...

Еще Мари сама пыталась изучать японский язык и культуру — ума не приложу, на что они ей сдались. Зато ее ошибки в родном языке могли соперничать по глупости с ошибками младших братьев, и по-французски она говорила едва-едва. Это при том, что в следующем году ей дебютировать, а я понятия не имею, как можно вывести ее в высший свет московского общества и не сгореть при этом со стыда!

Манера Мари одеваться заслуживала отдельного внимания. Сочетать ярко-алую блузку в полоску с зеленой юбкой в клетку было для нее в порядке вещей. Ежели она надевала платье, то почти всегда это платье было декольтировано столь сильно, как я, например, не решусь надеть даже на вечер.

С волосами она и вовсе творила что-то невообразимое — должно быть, это снова была дань японской культуре.

— Что это у тебя на голове, деточка? — спросила Елена Сергеевна, когда Мари в первый раз вышла в подобном виде.

- Это прическа японской гейши, маменька.
- А что такое гейша? — простодушно изумилась та.
- Проститутка, — охотно пояснило дитя.

Маменька залилась краской, а папенька расхохотался.

Родители полагали, что их шестнадцатилетнее чадо — сущий ребенок, и приходили в восторг от его шалостей. Шалостями считалось ношение декольтированных платьев, обнажающих уже вовсе не детские формы, похищение учебников из классной комнаты с целью сорвать урок, а также и порча ножницами моего вечернего платья — Жоржик любил, когда я посещала званые вечера вместе со всей семьей, а иногда и без его жены вовсе. Подозреваю, что за порчу платья Мари все же досталось бы от родителей, но институтское прошлое запрещало мне жаловаться «старшим» на что бы то ни было. Я лишь стала тщательнее следить, чтобы дверь моей комнаты всегда была заперта.

* * *

Занятия оканчивались обычно в два, после чего все шли обедать. Я тоже проголодалась, однако мне было жаль тратить свое личное время на общение с Полесовыми, потому я решила, что пообедаю в городе, во время прогулки, поскорее переоделась и вышла на улицу.

Полесовы занимали весь второй этаж дома номер двадцать по Пречистенке. Квартира эта была не очень-то по карману Георгию Павловичу, который служил мелким чиновником в суде, но он изо всех сил старался сохранить апартаменты на Пречистенке, где жил, как он считает, *tout le beau monde de Moscou*¹, к коему он, разумеется, себя причислял.

Я привычно прошлась пешком до Арбата и в чистеньком уютном кафе, где была частой гостьей, выпила кофе

¹ Весь высший свет Москвы (*фр.*).